Темное, тайное возбуждение пронеслось во мне, когда я увидел, как она вышла из каравана. Возбуждение тяжким грузом опустилось в мой корень, желание стягивало мои жилы, а член утолщался и рос от настоятельной потребности. Я знал, что это неправильно. В голове, на логическом уровне, я понимал, что это грех.

Но то, что я чувствовал внутри, пересиливало все представления о морали, привитые мне родителями.

Я жаждал ее тела, жаждал снова увидеть ее обнаженной и прекрасной.

Пока я наблюдал за ней, и в ней бурлили незаконные плотские желания, она наклонила лицо к небу, закрыв глаза, чтобы насладиться солнечными лучами. Было 10:30 утра и уже тепло, обещание еще одного высокого голубого неба и солнечного света, несомненно, влекло ее к дюнам. В ее мотивации было нечто большее, чем загар со всех сторон. Это я узнаю позже. Но для меня в то яркое августовское утро все мои мысли были заняты тем, как бы пошпионить за ее спелым, сладострастным, зрелым и очень эстетически приятным телом.

"Я только что вышла на прогулку", - позвала я, наблюдая, как бабушка надевает солнцезащитные очки.

Затем она подняла синюю сумку на плечо, как раз в тот момент, когда моя мама сказала: "Черт возьми, уже три дня подряд. Что с тобой такое?"

Это было добродушное подтрунивание со стороны моей матери. Она была в спальне в задней части фургона, рядом с караваном, в котором жили мои бабушка и дедушка.

"В дюнах есть на что посмотреть", - сказал я, и это не было ложью. Главной достопримечательностью для меня была моя собственная бабушка, мать моей матери, обнаженная и работающая над своим загаром, большие сиськи колыхались всякий раз, когда она меняла положение, когда солнце двигалось по небу.

"Не обгори", - позвала мама, когда я открыла дверь во внешний мир.

Моя бабушка двигалась с большой скоростью, сандалии были пристегнуты к ее ногам, подол ее легкого летнего платья дергался, икры были гладкими и загорелыми, бедра покачивались, когда она проходила через ворота в конце парка. Я мог видеть голубую воду, простирающуюся до горизонта, лопасти на башнях ветряных электростанций, мигающие отраженным солнечным светом, когда они медленно поворачивались на некотором расстоянии от берега. Когда я шел следом, волнуясь и предвкушая, я видел, как плечи и голова моей бабушки уходят из поля моего зрения, как круто и узко спускается тропинка к пляжу, о которой мне нужно было помнить на случай, если она повернется и увидит меня, притаившегося позади.

Это было не так срочно, потому что я знал ее место. Я наблюдал за ней два дня подряд и был уверен, что она будет на том же месте. Но всегда оставался шанс, что она знает пару или более

укромных мест, где она может раздеться догола и понежиться на солнце, что делало меня нетерпеливым и приближало к ней ближе, чем это было бы разумно. Тем не менее, мне удалось выкрутиться, и через десять минут следования за бабушкой по извилистой песчаной тропинке я наблюдал за ней с дюны, расположенной примерно в двадцати ярдах от меня, спрятавшись за кустами грубого тростника, который цепко держался за песок.

"Ох", - громко выдохнул я, когда она подняла летнее платье над головой.

Моя бабушка расстелила большое полотенце, используя свою сумку как лишний груз на случай, если подует маловероятный ветер. Она была в бикини, двухслойном, на год или два слишком маленьком, и даже с такого расстояния я мог видеть, как колышется плоть сисек, чашечки бюстгальтера с трудом удерживают большие груди моей бабушки.

Я вздохнул, когда похоть забурлила глубоко внутри меня, пока я смотрел на бабушку, и, стоя спиной ко мне, ее женственные формы вызывали пульсацию в моем члене, липкая сперма просачивалась в мои трусы, она обеими руками зацепила свои трусы бикини, показывая их ниже колен. Это действие означало, что она наклонилась в талии, упершись крестцом в меня.

И тогда я растерялся и вытащил свой член. Это был безрассудный шаг, безумный, потому что я находился близко к узкой дорожке, в то время как моя бабушка укрылась от посторонних глаз в вогнутой чаше между дюнами.

Я смотрел и дергал свой член, дикий от желания, мое внимание было сосредоточено на бабушке, когда она расстегнула верх бикини, и в течение нескольких незабываемых секунд ее большие сиськи колыхались и раскачивались, пока она не опустилась на спину. Я дрочил, медленно лаская свою длину, пока бабушка извивалась и в конце концов улеглась, кожа блестела от лосьона для загара, который она, должно быть, нанесла перед выходом из каравана.

Я был настолько поглощен тем, на что смотрел, и сладостью ощущений, что не заметил мужчину, пока он не оказался в нескольких футах от меня, собака была на поводке, за что я был благодарен, потому что огромный зверь начал лаять и рычать примерно в тот же момент, когда я заметил мужчину краем глаза.

Затем начался хаос: собака лаяла так, словно хотела вырвать мне горло, а мужчина, после нескольких секунд, в течение которых мы смотрели друг на друга, начал кричать на меня.

Страх сжался в моих внутренностях, реакция удвоилась из-за собаки, а также потому, что быстрый взгляд на дюну показал мне, что моя бабушка стоит на коленях, прижав руку к глазам в знак приветствия.

Когда все это началось, мужчина крикнул: "Какого хрена ты о себе возомнила!".

"Прости", - лепетал я, повторяя это три или четыре раза, пока запихивал свою эрекцию в

шорты.

"Чертова грязная маленькая пизда", - кричал он, в то время как собака продолжала рычать и пускать слюни.

С нарастающей внутри меня паникой я увидел, что бабушка обматывает полотенце вокруг своей талии.

"Я должна идти", - сказала я мужчине.

"Я натравлю на тебя собаку", - сказал он. "Оставайся там, гребаный извращенец. Я знаю, что ты делал. Я видел".

Пока он говорил это, ему удалось удержать обезумевшее животное одной рукой, свинец напрягся, когда собака прыгнула и оскалила на меня свои массивные клыки, в ее лае слышалось убийство, мужчина достал мобильный телефон из кармана брюк.

Вид телефона расстроил меня больше, чем собака, и я пролепетала: "Нет, что?"

"Я звоню в полицию", - сказал он, ковыряясь одной рукой в аппарате.

Пока он это делал, я увидел, что моя бабушка идет по склону к нам, полотенце на талии, предплечье и одна рука на груди, пока она защищала глаза от солнца.

"Поймал этого шпиона", - крикнул мужчина, когда моя бабушка приблизилась. "Я не скажу вам, чем занимался этот грязнуля", - добавил он. "Но, думаю, вы можете догадаться".

Я смотрела на бабушку, смутно осознавая, что моя жизнь, как я ее знала, закончилась. Унижение нахлынуло на меня жарким потоком. Я представила себе все это в одно мгновение, за меньшее время, чем потребовалось, чтобы моргнуть, я рассчитала весь гнев и возмущение, которые обрушатся на меня. Будет презрение и отвращение, мама поднимет шум. Я уже видела сопли и слезы, слышала причитания и крики.

Затем, когда все это проносилось в моей голове, и с шоком на лице, я увидела рот моей бабушки: Беги.

Она сопроводила это слово быстрым движением руки, которой у нее не было, по своей груди, подкрепляя указание покачиванием головы.

Затем она снова произнесла это слово и повернулась, чтобы сосредоточить внимание на мужчине, в то время как собака лаяла и дергала поводок.

Мгновение спустя я уже бежал, втягивая воздух, сердце стучало в ушах, пока я взбивал песок и бежал прочь от места преступления.

Я вскрикнула, когда услышала, как мужчина крикнул что-то о собаке, и почувствовала, что у меня болят икры и ягодицы, когда я представила, как рабский зверь вгрызается в плоть.

Я была близка к тому, чтобы разрыдаться, когда совершала свой бешеный побег, бежала по тропинке, не имея четкой цели, свернув в дюны, отчаянно пытаясь убраться подальше от этой огромной, мать ее, собаки.

Я плутал по тропинке минуту или больше, виляя и прыгая, и в конце концов оглянулся назад, с облегчением увидев, что непосредственная опасность для жизни и конечностей не несется за мной на четырех волосатых лапах.

Боже... О, черт", - задыхался я, падая на песок.

Я втянула воздух, близкая к истерическому смеху, когда всплеск адреналина начал спадать. Затем я быстро протрезвела, восторг от побега сменился ужасом от того, что произойдет дальше.

Охваченный страхом, я оставался на месте до тех пор, пока мог терпеть. Тени не было, а время близилось к полудню. Солнце палило вовсю. Я хотел пить и боялся сгореть, и это сочетание побудило меня нехотя направиться в сторону караван-парка. По мере того как я шел, я думал о том, осталась ли моя бабушка в дюнах или вернулась в фургон. Ждет ли меня там враждебный прием или у меня есть время собрать вещи, уехать и вступить во Французский иностранный легион?

Как бы то ни было, я подкрался ближе к соседним фургонам, тревога терзала мои внутренности, когда я пытался понять, попал ли я уже в беду или у меня осталось немного времени на нормальную жизнь, прежде чем все пойдет прахом.

"А, вот и ты", - услышала я слова бабушки.

Первое, что я сказала, было: "Мне очень жаль..." Потом я собирался добавить еще что-то, но она оборвала меня нетерпеливым покачиванием головы и жестом в сторону своего каравана.

"Помолчи. Не сейчас", - сказала моя бабушка. "Иди туда. Я хочу поговорить с тобой".

Она рыкнула на меня, чтобы я делала то, что мне говорят, когда я пролепетала: "Но..."

"Туда. Сейчас же. Хватит валять дурака", - шипела моя бабушка. "Дэйви, пошевеливайся, - добавила она. "Пока кто-нибудь не увидел".

Мне было интересно, что она имела в виду, но я был слишком пристыжен и труслив, чтобы спросить, и через несколько мгновений мы были в фургоне, занавески задернуты от солнца, кондиционер работает, так что пот на мне сразу же начал остывать.

"Итак, расскажи мне", - сказала моя бабушка.

Она пристально смотрела на меня, суровая, со сложенными руками.

"Прости", - пробормотала я.

Мои глаза метнулись от ее лица, жар вспыхнул на моих щеках.

"Я знала, что вчера там кто-то был", - сказала бабушка. "Я просто не знала, кто".

"Пожалуйста", - задыхалась я.

Она разразилась смехом, звук был неприятным и опасным. "Ты собираешься сказать мне, что именно ты думаешь делать", - сказала она мне, когда ее руки упали по бокам. Затем моя бабушка сделала жест обеими руками, всем своим видом показывая, что она не может поверить, какой я извращенец. "Я имею в виду, шпионить за мной? Дэйви, перестань. Ты знаешь, что это настолько плохо, насколько это вообще возможно. Ты ведь знаешь это, да?"

Я сглотнул, проглотив унижение, вину и угрызения совести.

"Нет", - огрызнулась бабушка, когда я снова сказала, что мне жаль. "Я не хочу этого слышать, Дэйви. Что я хочу от тебя, так это правду. Причина. Господи, да ладно, просто будь мужчиной и признайся в том, за чем тебя застали".

"Тот парень", - вздохнул я при напоминании.

"Разобрались", - сказала моя бабушка, подняв одну руку, ладонью наружу. "Не стоит беспокоиться. Он не звонил в полицию".

"Собака", - сказал я.

"Угу, тебе повезло, что он не отпустил ее. Она была на взводе".

http://erolate.com/book/2324/60010